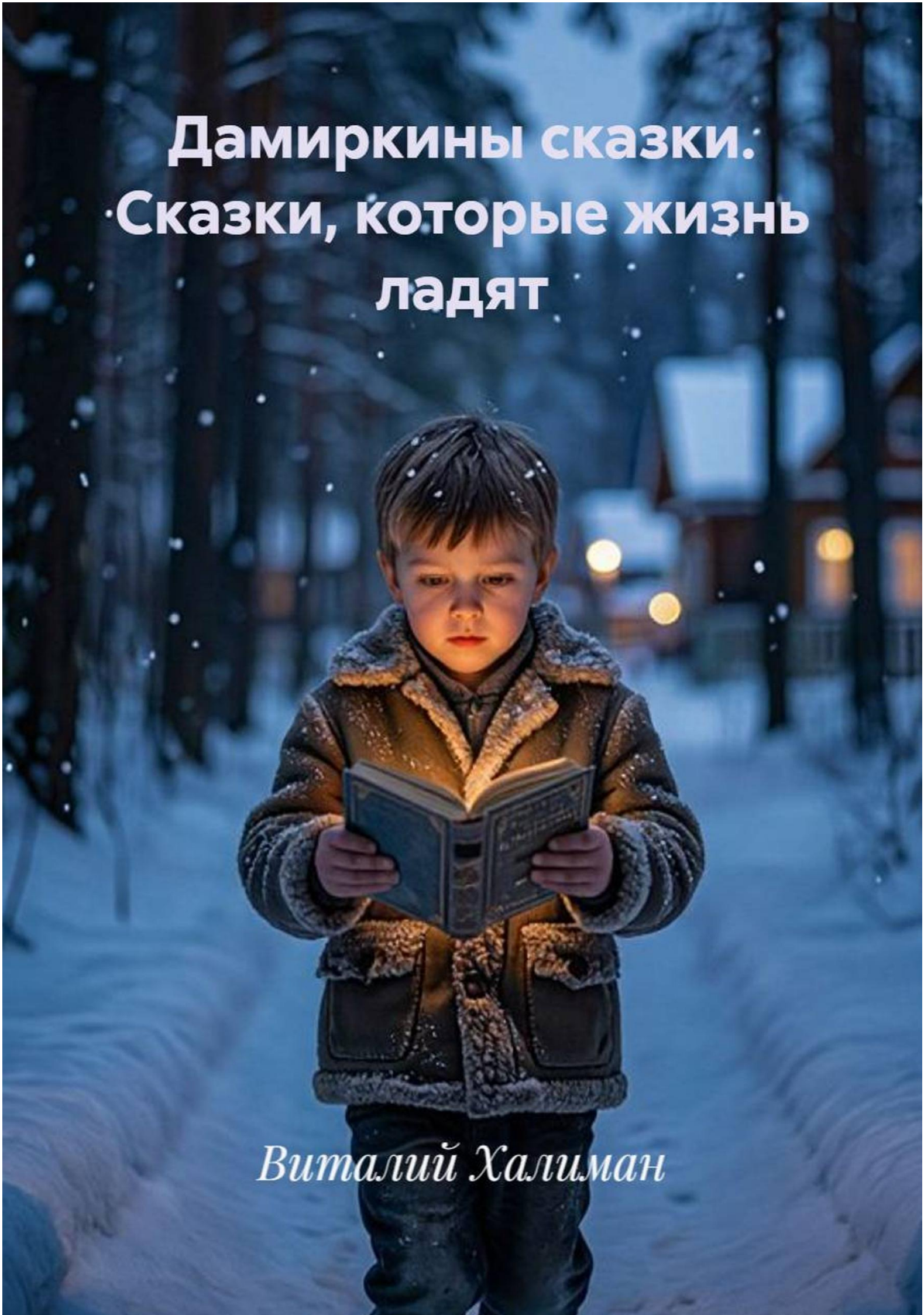
Дамиркины сказки. Сказки, которые жизнь ладят



Виталий Халиман

Виталий Халиман

Дамиркины сказки. Сказки, которые жизнь ладят

«Автор»
2026

Халиман В.

Дамиркины сказки. Сказки, которые жизнь ладят / В. Халиман — «Автор», 2026

Когда родительское молчание превращает дом в лед, маленький Дамирка отправляется в лес — не за приключениями, а чтобы вернуть утраченное тепло. В руках у него не меч, а странная Книга Жизни, способная вести сквозь Явь, Навь и Правь.Это не просто волшебная сказка, а терапевтическая история о семи кругах целостности. Вместе с Дамиркой читатель учится слушать тишину, справляться с обидой и понимать, что настоящая сила — в умении быть в ладу с собой и миром. Для родителей, которые хотят поговорить с ребенком о чувствах, и для детей, которым важно знать: выход есть всегда.

© Халиман В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ЛОМКА МИРА 5
ГЛАВА 3. РУЧЕЙ ПАМЯТИ 11
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Виталий Халиман
Дамиркины сказки. Сказки, которые жизнь ладят

ГЛАВА 1. ЛОМКА МИРА

Тишина в доме бывает разной.

Бывает тишина полная, мирная, когда все дела переделаны и можно слушать, как потрескивают поленья в печи. А бывает тишина немая. Та, что окутывает дом, так, что в нём перестают говорить. Не потому что сказать нечего, а потому что слова застревают где-то в горле, тяжестью, как булыжники, и боятся вылететь, чтобы не разбить что-то последнее, хрупкое.

В такую немую тишину и попал Дамирка.

Он сидел на лавке у холодной печи, поджав ноги, и смотрел в пустоту угла, где всегда дремал седой, добрый Хозяюшка-Домовой. Теперь же угол был пуст. И печь была холодна. И даже запах свежего хлеба, что всегда жил в их доме, будто выветрился, ушёл вместе с маминой песней и папиным звонким смехом.

За окном, за мутным стеклом, была деревня.

Соседка тётя Мира вышла во двор, покликала кур. Дядька Михей провёз на телеге дрова. Всё, как всегда. Мир шёл своим чередом, будто в их доме ничего не случилось. Будто не вымерло всё внутри.

Дамирка смотрел, как тётя Мира сыплет зерно, и думал: если он выйдет и скажет: «У нас тишина, помогите» — она погладит его по голове, скажет: «Не выдумывай, родители устали» — и даст пирожок.

А тишина останется.

Он не пошёл.

Но он тогда ещё не знал, что невидимая пелена, тонкая, как первый лёд, уже затянула их дом. И тётя Мира смотрит прямо на неё — но не видит ни Дамирку, ни дом, а видит только чистый воздух.

Они не ссорились громко, его родители. Они просто… замолчали. И их молчание было страшнее любого крика. Оно заполнило собой всё — каждый угол, каждую щель, каждый ковшик на полке. Оно давило на уши густым, ватным одеялом. Дамирка пытался дышать тише, чтобы не нарушить его, это молчание. Но от этого внутри у него всё сжималось в один маленький, твёрдый и очень колючий комок.

От этого комка и пошли первые трещины.

Поползли они по стенам горницы. По скатерти, где вышитые узорами лебеди — всегда такие живые — замерли, будто прикованные к холодной глади полотна. Поползли по самому воздуху — густому, вязкому, киселёному. Мир, всегда бывший прочным, как дубовый стол, — ломился. Не со скрипом, а с тихим, ледяным хрустом. С хрустом, что слышит одна лишь душа.

Мальчик не выдержал.

Он сорвался с лавки и выбежал в сени, а оттуда — на крыльцо, в осеннюю ночь. Холодный ветер, пахнущий прелой листвой и дальним дымом, ударил ему в лицо, но это был хоть какой-то ветер, хоть какой-то звук, хоть какое-то чувство! Он побежал, не разбирая дороги, туда, где чёрной стеной стоял Лес.

В Лес, который ворчал, шумел и был живым.

Он был страшным, но он не был немым.

Дамирка добежал до первой ели, споткнулся о корень и рухнул на коленки в прохладный, сырой мох.

В спину дуло из тёмного провала опустевшего дома.

Впереди шелестела тёмная чаща.

А внутри — звенела та самая, ледяная, немая тишина.

Он был один.

Совсем один.

И тогда из горла вырвался шёпот, сам собой, последняя надежда:

— Хозяюшка… Дедушка Домовой… Помоги…

Он прошептал это в землю, в мокрый мох. Шёпотом таким тихим и искренним, каким обращаются к маме или Земле-матушке. В доме-то не услышали.

Но тут случилось первое чудо.

Не в лесу. А за спиной. Оттуда, откуда он бежал.

Тёплый, едва уловимый луч света, будто от затопленной печи, коснулся его затылка.

Дамирка обернулся.

В окне родного дома, в чёрном квадрате стекла, горел одинокий, крошечный огонёк. Как будто кто-то зажёг лучину в самой глубине, за печкою.

Сердце ёкнуло.

Он пополз назад, на четвереньках, потом встал и побежал к дому, уже не от страха, а от какой-то таинственной тяги. Вскочил на крыльцо, распахнул дверь…

В горнице было так же темно и пусто. Но тот огонёк… он светил за печкой. Из тёплого, тёмного угла, где хранились ухваты и припасы, и где, как знал Дамирка, была маленькая, потайная лазеечка в самую сердцевину дома.

Мальчик подошёл, затаив дыхание.

Ничего не было. Только знакомый запах старого дерева, сушёных грибов и… и чего-то ещё. Тепла. Не от огня, а просто тепла, как от спящей кошки.

И тут его взгляд упал на пол.

Прямо у ног, вся покрытая седой пылью, лежала книга.

Она была неказистой, в потёртом деревянном переплёте, без всяких надписей. Небольшая, неприметная, самая обыкновенная на вид. Но лежала она так, будто только что выпала из стены.

Дамирка наклонился и осторожно коснулся её рукою.

Время остановилось.

Он почувствовал это сразу — затих за окном вой ветра. Замерла на полпути падающая занавеска. Пылинки в луче несуществующей лучины повисли в воздухе, как звёзды.

Во всём мире осталось только тиканье его собственного сердца да эта книга под рукой.

Она была тёплой. Та самая теплота из угла исходила от неё.

Он не знал тогда, что держит в руках Книгу Жизни. Он просто чувствовал: это — ответ.

Дамирка взял её в руки — и тяжесть на душе чуть отпустила. Он сел на пол, прислонился спиной к печи и открыл её.

Внутри не было ни букв, ни рисунков. Была оживающая на глазах глубина. Тёмная, бархатная, как ночное небо.

Он заглянул в неё — и звёзды вспыхнули.

А потом поплыли, сложились в ветви, в стволы…

И на странице, прямо у него на коленях, расцвёл живой, дышащий лес.

Он слышал его шёпот! Чувствовал запах хвои и сырой земли!

А над верхушками деревьев, на «небе» страницы, проступили тихие, мерцающие письмена, будто выведенные светлячками:

«ИДИ. НЕ БОЙСЯ. Я С ТОБОЙ».

Это был не голос. Это было знание, возникшее прямо в его сердце.

Дамирка прижал книгу к груди. Тёплую, живую.

Комок внутри начал потихоньку растворяться. Слёзы, которых он не мог выплакать от обиды, наконец хлынули по его щекам — тихие, горячие, целительные.

Он был не один. Помощь пришла.

Не меч, не щит. Книга.

Он помедлил, а потом шепнул в темноту, туда, где за печкой таял тёплый угол:

— Спасибо, Дедушка.

Тишина не ответила. Но печка, кажется, вздохнула чуть ровнее.

А за окном, в оттаявшем времени, над чёрным лесом занималась первая, робкая полоска зари.

Дамирка всё ещё сидел на полу, прижимая к груди тёплую книгу. Он открыл её снова. Лес на странице всё так же дремал в ожидании.

Но одна ветка — он готов был поклясться — тянулась чуть выше, чем прежде.

К свету.

Конец Главы 1

ГЛАВА 2. ЛЕС-ИСПЫТАТЕЛЬ

Путь начался на следующее утро.

Вернее, он начался внутри книги ещё до рассвета, но Дамирка понял это, только когда выглянул в окно.

Лес за окном был всё тем же — мрачным, в осеннем убранстве. Но взгляд у мальчика стал другим. Теперь, с книгой под мышкой, он смотрел на чащу не как на тёмную стену, а как на живую рукопись. Каждое дерево было заглавной буквой, каждая тропинка — строчкой, которую предстояло прожить.

«Иди», — тихо напоминало знание в сердце.

Но куда? Куда ведёт первая строка?

Он открыл книгу. Страница, что накануне дышала лесом, была пуста. Лишь в самом низу, будто упавшая с пера капля, лежала маленькая тёмная клякса. Дамирка коснулся её пальцем — и клякса поползла, растеклась, превратилась в схему. В тонкую, извилистую линию, уходящую вглубь страницы.

Это была тропа.

Так. Книга не просто показывала лес — она показывала путь сквозь него. Но карта была нема. Она указывала направление, но не предупреждала о том, что прячется в придорожных тенях.

Дамирка натянул потрёпанную безрукавку, сунул в карман краюху вчерашнего хлеба и, крепче прижав книгу, вышел на крыльцо.

Дом за его спиной молчал. Но молчание это было уже иным — не холодным и пустым, а ожидающим.

Первые шаги по знакомой опушке были лёгкими.

Но чем дальше он углублялся под сень вековых елей, тем сильнее менялся лес. Свет тускнел. Воздух становился гуще, наполняясь запахом хвои, влажной земли и чего-то древнего, терпкого — запахом самой памяти. Ветви сплетались над головой в живой, колышущийся свод.

Обычные лесные звуки — щебет птиц, шорох листьев — начали сливаться в неразборчивый, настойчивый шёпот. Это был не язык зверей или ветра. Это был язык самого места.

Дамирка остановился, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Он открыл книгу. На схеме мигал крошечный огонёк — он сам. А впереди, где тропа раздваивалась, пульсировала странная, беспокойная дымка.

Он сделал шаг вперёд — и шёпот вокруг превратился в ясные, хотя и бессмысленные слова:

— …за-плутал-заблудил-не-той-иной-стороной-поверни-сюда-нет-туда-за-мхом-смотри…

Голоса звучали сразу со всех сторон, споря и перебивая друг друга. Это запутывало, вызывало сумятицу в уме. Дамирка зажмурился, прижал ладони к ушам, но голоса лезли прямо в голову.

Это был не голос. Это был хаос.

Хаос Лешего.

Дамирка вспомнил бабушкины сказки. Леший не злой. Он — хозяин. И его первое испытание для гостя — запутать, сбить с пути, проверить, достоин ли тот слушать порядок леса или обречён навеки блуждать в его хаосе.

«Не бойся», — вспомнил Дамирка.

Но страх уже подступал комком к горлу. Он снова посмотрел на книгу. Карта показывала путь, но не могла заглушить этот шум. Нужно было понять. А как понять этот кавардак?

И тогда его взгляд упал на тихую надпись в углу страницы, которую он раньше не замечал. Там, рядом с мерцающей дымкой, проступали два слова:

«Войди и услышь».

Это было не повеление *«иди»*. Это было приглашение *«войди»*. Войди в книгу.

Сомнений не было.

Он положил ладонь прямо на дымку на карте, закрыл глаза и всем существом пожелал понять.

Мир вокруг него — шумящий, пахнущий, живой — схлопнулся. Ощущение падения в пропасть длилось долю секунды. А когда исчезло даже это — остался лишь звук собственного сердца, бьющегося в такт чему-то огромному.

Дамирка ахнул и открыл глаза.

Он стоял в лесу.

Но не в своём осеннем. Он стоял в первозданном, дремучем лесу времён начала мира.

Деревья здесь были толщиной с башню, их корни вздымались, как спина спящего дракона. Воздух дрожал от звенящей, изначальной тишины.

Дамирка оглянулся. Книга была всё ещё у него под мышкой, но теперь — странное дело — он чувствовал её не весом, а теплом. Переплёт мягко пульсировал в такт его шагам, словно второе, рукотворное сердце.

Или первое — кто теперь разберёт?

И прямо перед ним, спиной к Дамирке, стояла фигура.

Не человек. Не зверь. А сгусток мха, коры и теней, напоминающий старого, корявого человека. Дух-хранитель. Осколок памяти самого Лешего, живущий здесь, в библиотеке мира внутри Книги.

Дух обернулся. У него не было лица — только две глубокие, тёмные впадины, в которых мерцал свет, как в лесных озёрах.

— Ты пришёл слушать, — прозвучало не голосом, а самой тишиной, обретшей смысл. — А слушать надо ногами. Иди.

Дух тронулся в путь. И затянул, замычал себе под нос — древнюю, бесконечную песню, которую пел ещё тогда, когда люди не умели складывать слова.

Дамирка не был уверен, что песня предназначена ему. Но он её *слышал*. И — странное дело — запоминал. Не слова даже, а то, как слова ложатся на шаг.

И книга под его пальцами — он чувствовал — запоминала тоже. Страницы чуть заметно вибрировали, впитывая напев, складывая его в свои, книжные, тайники. Для него. На потом. Когда понадобится.

Слова складывались в странный, ухабистый напев, в самую суть Леса-Испытателя:

Дышит лес теплом Земли — тем, кто его слышит. Коль уважишь ты меня, то тропу отыщешь. Кто рубить начнёт без нужд и грибы расхитит, Жадно забирая всё, что вокруг увидит,— Заплутаю, закручу, испытаю разум, В дебри бора заведу да в болотну чащу.

Дышит лес теплом Земли — тем, кто его слышит. Коль уважишь ты меня, то тропу отыщешь.

Если ж ценишь ты зверьё и растений живость, Больше нужды не бери, что в лесу открылось,— Помогу тебе тогда распознать подсказки, Язык леса понимать — прочитав развязки.

Дышит лес теплом Земли — тем, кто его слышит. Коль уважишь ты меня, то тропу отыщешь.

Ветви тянутся к теплу и растут погуще — Значит, Юг там впереди, древо его ищет. Где на камнях живёт мох — то на Север смотрит, Любит сырость он и тень, знай, как путь продолжить.

Внемли, путник дорогой: я — хранитель леса. И с любовью берегу все законы места. Будь со мною честен ты, уважай природу — И тогда отыщешь ты верную дорогу…

Дух тронулся в путь. Не по тропе — троп здесь не было. Он шёл *между*, огибая стволы, перешагивая через ручьи, которые ещё не стали ручьями, а лишь намёком на влагу в воздухе.

Дамирка пошёл следом.

И с каждым шагом он начал слышать. Не слова — закон.

Шаг. Под ногой хрустнула ветка — и в тишине это прозвучало как гром. Дамирка замер — и почувствовал, как книга под его ладонью чуть сжалась, будто разделяя его неосторожность.

— Прости, — шепнул он, сам не зная, кому — лесу или книге.

Ветка под подошвой не ответила. А книга медленно, по-кошачьи, выдохнула тепло.

Он замер. Прислушался к тому, как затекли ноги, как гудит подошва от недавней спешки.

Потом сделал шаг. Медленно, пробуя землю, как пробуют воду — пальцами ног, пяткой, всем телом.

Шаг. Он выбрал мягкий мох — и лес ответил тихим, одобрительным шелестом.

Шаг. Он остановился, чтобы перевести дух у древнего камня — и камень отдал ему едва уловимое, каменное тепло, словно делясь терпением.

«Закон Тропы» — понял Дамирка.

Это не свод правил. Это умение слушать кожей, ступнями, сердцем. Лес говорит не словами. Он говорит упругостью мха под ногой, направлением падающей шишки, узором теней на земле. Он *предлагает* путь, а не указывает его. Нужно лишь отозваться.

Дух-поводырь остановился у гигантского дуба, ствол которого был испещрён глубокими, похожими на письмена трещинами.

Он обернулся — и Дамирка впервые увидел, что в тёмных впадинах его «глаз» что-то шевельнулось. Не угроза. Интерес.

— Ты слушал, — прозвучало из глубины дуба. — Теперь скажи: что ты оставишь лесу взамен?

Дамирка растерялся.

— Я… у меня ничего нет. Только хлеб в кармане.

Дух посмотрел на карман, где лежала краюха.

— Хлеб — добро. Я бы взял. Да только далеко ли тебе без хлеба по лесам ходить?

Дамирка промолчал.

— Сегодня не возьму я у тебя хлеба, — качнулась кора на месте, где была голова. — Ты мне **другое** отдай. Тот миг, когда ветка хрустнула и ты проявил уважение к лесу и попросил прощения. Отдай мне его — запомни навсегда. А когда-нибудь, в другом лесу, расскажи другому, кто тоже будет учиться слушать. Тогда и сочтёмся.

Дамирка молча кивнул. Он не знал, как это сделать. Но обещание уже легло в сердце.

— Тогда иди, — шевельнулись тени. — Ты заплатил.

— Запомни, — снова зазвучала тишина. — Путь есть всегда. Даже там, где его нет. Его плетут шаги того, кто умеет слушать. А теперь возвращайся. Твой лес ждёт.

Мир снова сменился.

Дамирка стоял на той же развилке.

Осенний лес вокруг него — вчера ещё мрачный, немой — теперь *дышал*. Был оживлённым.

Хаотичный шёпот всё так же висел в воздухе. Но теперь Дамирка *слышал*. Он не вслушивался в слова. Он прикрыл глаза на секунду и почувствовал ногами.

Правая тропа под его подошвой казалась твёрдой, укатанной, но холодной и безжизненной. Она вела в чащу, где ветви сплетались в тёмные сети.

Левая тропа, более узкая и невзрачная, отдавала через тонкую подошву ботинка лёгкую вибрацию, едва уловимое тепло. Как будто по ней только что прошло что-то живое.

Он открыл глаза, шагнул на левую тропу и уверенно произнёс вслух, обращаясь к лесу:

— Я иду с миром. И я слушаю.

Шёпот вокруг смолк.

Наступила напряжённая, настороженная тишина. А потом, где-то впереди, хрустнула ветка. Не случайно. Как знак. Как разрешение.

Дамирка выдохнул.

Он прошёл первое испытание. Он не победил хаос — не разрушил чужой мир. Он *договорился* с ним. И даже заплатил — тем, что у него было: памятью и обещанием.

Он посмотрел на книгу.

На её обложке, в правом нижнем углу, там, где ещё утром был лишь тёмный, не проявленный круг, теперь проступил едва заметный, тёплый символ.

Камень у Очага.

Первый круг целостности был пройден. Книга Жизни не наградила его — она *засвидетельствовала*. Дамирка чувствовал это кожей: дар не упал с неба, он *вырос* изнутри, из самого его решения идти — не напролом, а в лад. И из обещания, которое он только что дал.

Что это за дар? Он не сразу смог назвать его словами. Но когда прижал книгу к груди и закрыл глаза, внутри разлилось странное, тихое тепло.

Чувство Дома.

Не дома из брёвен и печи. А дома как состояния. Когда знаешь: ты не чужой этому миру. У тебя есть право здесь быть. И есть что отдать взамен.

Он стоял, прислушиваясь к новой, обретённой тишине внутри себя.

И лишь спустя несколько полных, глубоких вдохов его слух, отточенный этой тишиной, уловил на самом краю восприятия новое звучание.

Тихая, древняя мелодия, вплетённая в журчание.

Звук бегущей воды.

И в нём — утопленная, но не мёртвая песня.

Вода помнит всё. Даже то, что люди предпочли забыть.

Конец Главы 2

ГЛАВА 3. РУЧЕЙ ПАМЯТИ

Звук воды влился в новую тишину, как вложенный в неё смысл. Сначала — лишь отголосок, похожий на биение сердца где-то глубоко под землёй. Потом — яснее. Дамирка повернул голову, ловя его направление. Тропа, которую он выбрал, вела не прямо на юг, а плавно спускалась по склону, огибая корявые корни вековых сосен. Воздух здесь менялся с каждым шагом. Лесной запах хвои и грибной сырости постепенно уступал место другому — влажному, свежему, прохладному. Запаху мокрого камня и старой, отполированной водой коры. И этот запах веял тоской и оттенками печали. Не страшной, как хаос Лешего. А тихой, усталой, будто кто-то здесь давно и безнадёжно ждал. Тропа вывела его к ручью. Но это было не просто лесное течение. Это была река времени, сжатая до размеров ручья. Вода бежала неспешно, почти лениво, но в её глубине переливались, словно тени позабытых снов, картины: мелькало лицо матери, улыбающееся, но уже не ему; слышался отголосок отцовского смеха, заглушённый тяжёлым вздохом; проплывал знакомый до боли узор на скатерти, плывший по воде, как корабль по волнам. Дамирка застыл на берегу. Книга в его руках замерла, а потом сама раскрылась на новой странице. Схемы тропы не было. Было лишь зеркало воды, нарисованное так живо, что в нём отражалось его собственное, побледневшее от неожиданности лицо. — Вот это да… — добавил он шёпотом. А под отражением, на дне страницы, лежала смутная, тяжёлая тень — не клякса, а скорее водоворот, затягивающий по часовой стрелке взгляд внутрь. И снова — тихий призыв. Знакомая теперь по прошлой главе надпись в углу: «Прислушайся. Разрешай себе вспомнить». Не «иди». Не «делай». Разрешай.

Звук забытой песни стал громче. Он исходил не из одного места, а из самой воды, из каждого её всплеска, из пузырьков воздуха на мшистых камнях. Это была колыбельная. Та самая, что пела мама, когда он был совсем маленьким и не мог заснуть. Журчит ручеёк, Несёт жизни прок. Ой, глубока ж водица — Наследья вереница. Хранит он зарок, От Предков урок. Водою напиться — В любви укрепиться. Спи, засыпай… Воде доверяй… Пусть будут крепки Твои вешние дни. Смелее шагай, Душой ощущай Теченье воды, Что памяти сны… Спи, засыпай… Душе доверяй… Почувствуй, дружок, Водицы поток. Несёт она сны К истокам весны. Спи, засыпай… Воде доверяй… В ней жизни поток, От предков урок. Спи, засыпай… Воде доверяй… Но в мелодии была трещина. Фальшивая нота грусти. Оборванный звук. Словно певица внезапно забыла слова и задохнулась от слёз. — Кто здесь? — тихо спросил Дамирка. Вопрос растворился в журчании. Вода зашевелилась. Из-за огромного, замшелого валуна, наполовину скрытого в потоке, показалась… рука. Прозрачная, словно из самой воды, сотканная из струй и пены. За ней — другая. Они оперлись о камень, и из воды медленно поднялась фигура. Это был не человек и не зверь. Это было воплощение самого ручья. Длинные пряди водорослей, словно седые волосы, струились по плечам. Лица не было — только мерцающая рябь на том месте, где оно должно быть, и два глубоких омута, в которых светились, как две холодные звёзды, бледно-голубые огоньки. Водяной. Не сказочно-бородатый. А древний. Уставший. Полный тихой, накопленной за века печали. Его губы — если это можно было назвать губами — не шевельнулись. Но голос заполнил всё пространство вокруг — голос мягкий, как шелест камыша, и неумолимый, как течение воды. — Ты пришёл слушать песню? — прошелестело. — Она вся здесь. Вся моя память. Вся память этого места. Каждая слеза, что упала в воду. Каждое слово, что не было сказано. Они тонут. И тянут за собой. Хочешь услышать — нырни. Но помни: в моей глубине легко забыть, зачем ты пришёл на поверхность. Легко стать ещё одной забытой нотой в старой песне. Дамирка сглотнул. Страх был другим — не острым, как в лесу, а тягучим, холодным, зовущим просто лечь на землю и смотреть, как течёт вода, пока сам не растворишься в ней и станешь её частью. Он посмотрел на книгу. Водоворот на странице двигался в такт его собственному сердцу. Испытание было ясно. Леший проверял умение слушать

мир вокруг. Водяной испытывал умение слышать мир в глубине — поток памяти и чувств, не потеряв в нём себя. — Я… я смогу, — сказал Дамирка, больше себе, чем духу. Он сделал шаг к воде. — Сними обувь, — прошелестел Водяной. — Чувствуй дно. И дыши. Дыши так, будто лёгкие твои — жабры, а сердце — пузырь воздуха, что не даст окончательно опуститься на дно. Дамирка послушался. Холод воды обжёг ступни, пробрался выше, к коленям. Он вошёл в ручей. Течение обнимало его ноги, пытаясь сбить, унести. Он устоял, зажмурился и, как в прошлый раз, всем существом пожелал услышать. Мир снова перевернулся. Но на этот раз — не резко, а плавно, как погружение в сон.

Он оказался не в первозданном лесу, а… в доме. В своей же горнице. Но всё было иначе. Краски ярче, воздух теплее, пахнет горячими блинами и яблоками. Он видел себя маленького, сидящего на полу. Видел отца, который что-то мастерит у стола, напевая. Видел мать, которая, улыбаясь, ставит на стол глиняный кувшин. И тут он услышал это. Не ушами. Всем телом, каждой клеткой.

Отец устал. Мама молчала. Никто не ссорился. Никто не повышал голоса. Просто однажды вечером их дыхание перестало быть одним дыханием — всего на миг, на полвздоха. Никто не заметил. Даже они сами. А маленький Дамирка — заметил. Его сердце, ещё не знавшее слов «отчуждение» или «рана», просто сжалось. И в этот миг в невидимый поток упала первая капля. Не боли даже — растерянности. Я что-то сделал не так? Нет, малыш. Ты не сделал ничего. Ты просто был рядом.

Картина сменилась. Дождь за окном. Родители говорят о чём-то ровно, спокойно. В их голосах нет холода. Но есть лёгкая, едва уловимая осторожность — будто каждый выбирает слова, чтобы не задеть друг друга. Они берегут друг друга. И от этого бережения — чуть-чуть далеко. Маленький Дамирка сидит на полу, перебирает цветные камешки. Он не понимает, почему его утренняя радость, ещё такая полная, теперь теплится, как свеча на сквозняке. Он не знает, откуда ветер. Он просто прикрывает огонёк ладошкой.

А над столом, в воздухе, застыло мамино слово. Она хотела сказать его папе — и не сказала. Оно так и висит, невысказанное, тяжёлое, как капля перед дождём. Папина рука тянется к маминой — и замирает на полпути. Не берёт. Не потому что не хочет — потому что боится спугнуть тишину.

Капля. Тихая. Тёплая. Всё в тот же поток.

Смена образа. Мама у окна. Она похожа на свечу, которая горит ровно и тихо. Свеча не плачет — она просто даёт свет. Даже когда тот, кому этот свет нужен, уже ушёл в темноту. Папа в соседней комнате. Он — как потухший вулкан. Внутри у него всё ещё кипит, но снаружи — только тёплая, остывающая лава, которая уже не обжигает, но помнит жар. Их молчание — как воздух перед грозой. Он густой, тяжёлый, им трудно дышать. Но в этом воздухе пахнет дождём. Тем самым, который напоит землю, когда станет нужно.

Дамирка плыл по этому течению. Его окружали не только его собственные воспоминания. Здесь были и другие: давно ушедший дед, тоскующий по нескошенному полю; плач какой-то незнакомой девушки у этого же ручья сто лет назад; даже тихое ворчание самого Водяного, тоскующего по временам, когда песни у воды пели от чистого сердца, а не от горя. Их было слишком много. Они тянули его вниз, в тёмную, уютную пучину забвения. «Останься, — шептали тени. — Здесь тихо. Здесь не больно. Просто перестань вспоминать. Стань частью нашего течения». Его собственное «я» начинало расплываться, как чернила в воде. Кто он? Мальчик, который бежал из дома? Или просто очередная капля печали в вечном ручье? И тогда на самом дне, в самой тёмной глубине, он увидел её.

Маленький, ледяной клубок. Он сидел, свернувшись, на илистом дне, и от него расходились тонкие, едва заметные нити холода — к каждой капле боли, к каждому забытому слову, к каждой невыплаканной слезинке. **И от клубка, от самой его сердцевины, тянулись не только нити — рядом с ним, в темноте, шевелились смутные тени. Шесть теней. Они**

ждали. Слушали. И расходились по нитям в разные стороны — туда, где люди боялись, злились, завидовали или лгали себе.

Дамирка смотрел на него — и вдруг клубок дрогнул. Шевельнулся, будто почувствовав взгляд. Внутри, в самой его сердцевине, на мгновение проступил смутный, размытый силуэт. Чей-то тонкий, сгорбленный, бесконечно одинокий.

Одна из нитей тянулась вверх, пронзала толщу воды и уходила далеко-далеко — туда, где за лесом начиналась деревня. К его дому. Дамирка не знал тогда её имени. Но он почувствовал: это не враг. Она не хотела зла. Она просто привыкла быть болью. Так привыкла, что забыла: когда-то её можно было вылечить. Он хотел протянуть руку. Но не смог — течение понесло его дальше, вверх, к свету. А когда он уже всплывал, ему показалось, что из глубины донеслось тихое, шипящее: — Приходи… я соберу… все ваши молчания… Или просто вода зашумела в ушах?

Он вспомнил. Вспомнил не боль, а то, что было до. Тёплую тяжесть книги в руках. Слово «Дом», выжженное на обложке. Голос Лешего-хранителя: Путь тропы своей найдёт, Слушать кто умеет, Музой сердца своего Жизнь свою овеет. И вдруг сквозь слова Лешего проступила другая — мамина — песня. Чтобы выплыть, нужно было не оттолкнуться от этих воспоминаний, а принять их. Понять. И найти в этом потоке не только боль, но и любовь, которая была её источником. Как в маминой колыбельной. «Водою напиться — в любви укрепиться…» Он перестал бороться с течением. Вместо этого он сосредоточился на одной-единственной картинке. Не на молчании — а на том, как отец, смеясь, качал его на плечах. Не на усталости — а на том, как мать, напевая, зашивала ему штаны. Он собрал эти светлые осколки, один за другим, как жемчужины. И каждая из них становилась пузырьком воздуха в его лёгких. Сила, чтобы вынырнуть, пришла сама собой. Ноги его коснулись дна, но дно вдруг стало не илом, а опорой. Он оттолкнулся — сильно, как отталкиваются от трамплина, когда ныряют в реку, только наоборот. Вверх. К свету. К воздуху. К себе.

Он вынырнул, судорожно глотая воздух. Он стоял посреди того же ручья, по пояс в воде. Над ним склонилось водяное личико-рябь. — Ты… не утонул, — прошелестел Водяной, и в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на удивление. — Ты взял из глубины не только груз, но и свет. Им и вытолкнул себя. — Я… я услышал песню, — выдохнул Дамирка, выходя на берег. Вода стекала с него, но холод внутри сменился странным ощущением тепла и бурления жизни. — Не только ту, что забыта. Но и ту, что можно спеть заново. Водяной медленно кивнул — закачалась водная гладь там, где была голова. — Тогда возьми это. Не как трофей. Как напоминание. Дух протянул прозрачную руку. На его ладони лежал небольшой, гладкий камень цвета речного дна. Но внутри него, будто в янтаре, был заключён крошечный, мерцающий пузырёк — капля воды и света вместе. — Чаша Источника, — сказал Водяной. — Не для воды. Для памяти. Чтобы пить из прошлого не горечь, а мудрость и силу. Чтобы слышать за словами — чувства. Чтобы помнить: даже самая тихая песня может растопить лёд. Дамирка взял камень. Он был тёплым. На его ладони камень не растворился — он вошёл в ладонь, оставив лишь лёгкое, прохладное ощущение и тихий отголосок колыбельной в самой глубине слуха. Но теперь — целой, без трещин. Он посмотрел на книгу. Водоворот на странице успокоился, превратившись в ровную, зеркальную гладь. А на обложке, рядом с Камнем у Очага, проступил второй символ. Чаша Источника. Не нарисованная — проявленная. Будто она была там всегда, просто ждала, когда Дамирка заслужит право её видеть. Водяной уже таял, превращаясь обратно в струи и пену. — Иди, мальчик. Ты услышал песню — значит, вода тебя приняла. — А ты? — вдруг спросил Дамирка. — Ты теперь… не будешь один? Рябь на лице Водяного дрогнула. — Мне предначертано быть одним, — тихо ответил он. — Я — память. Память всегда одна. Но теперь я знаю: иногда приходят те, кто умеет слушать. И этого довольно. Он исчез. Ручей продолжал журчать. Тоска ушла из его голоса, осталась только тихая, светлая грусть — и ощущение потока.

Дамирка вспомнил, как мама, когда они ходили к реке, набирала в ладони воду и шептала.

Он зачерпнул воду в ладони — осторожно, как учили не словами, а руками.

— Благодарю, водица, — сказал он. — Что мудрости дала напиться.

Вода ничего не ответила. Только чуть теплее обтекла его пальцы.

Дамирка постоял ещё немного, чувствуя, как вода ласкает ноги. Потом шагнул на берег.

Он был мокрый, уставший, но на душе было светло и просторно. Он теперь знал, откуда взялась та тишина в доме. И знал, что у этой тишины есть причина, которую можно понять. А что можно понять — тому уже не так страшно смотреть в глаза. Как не страшно встретить старого знакомого, даже если он пришёл с дурными вестями. И ещё он знал: на дне, в ледяном клубке, кто-то есть. Кто-то, кто ждёт.

Он ступил на тропу, ведущую из ложбины обратно в лес. И только тут заметил: ветер переменился. Тот самый, что нёс запах воды, теперь пах иначе — свежестью и вечностью.

Впереди, где сосны редели и сквозь стволы пробивался ясный свет, ветер донёс до него новый звук. Не шёпот, не журчание. Сухой, порывистый шум. Как будто кто-то яростный рвёт на клочки небесный полог.

Но когда Дамирка прислушался внимательнее, он понял: это не гроза. Это тишина. Другая. Не лесная, не водная. Такая плотная и древняя, что даже ветер, врываясь в неё, забывал, как шуметь.

Он посмотрел на обложку. Два символа — Камень у Очага и Чаша Источника — горели ровно, спокойно. Рядом с ними пульсировал в ожидании третий, ещё пустой круг. Книга молчала, но молчание это было живым — она ждала.

Впереди была Кощеева развилка.

Конец Главы 3

ГЛАВА 4. КОЩЕЕВА РАЗВИЛКА

Ветер переменился.

Тот самый, что донёс до Дамирки шум далёкой грозы, вдруг стих,

словно захлопнулась невидимая дверь. Воздух стал плотным, звонким —

не предгрозовым.

И само пространство вдруг становилось… тихим, глубоким, вечным.

Без возраста. Без дыхания.

Дамирка остановился.

Он только что вышел из прохладной тени лога, где остался журчать

Ручей Памяти, и ступил на сухой, твёрдый пригорок.

И сразу понял: здесь другое место. Другой лес.

Другой мир — глубже и древнее, чем тот, откуда он пришёл.

Деревья здесь были высоки, стройны, но будто вырезаны из камня или старой кости — ни лишней ветки, ни шороха. И трава под ногами не гнулась, а стояла ровными, острыми стеблями, как войско копий, в ожидании приказа.

Книга под мышкой — он всё ещё прижимал её к груди, не выпуская, — вдруг стала тяжелее. Не весом, а смыслом. Страницы её будто насторожились, впитав тишину этого места.

Дамирка посмотрел на обложку. Два символа — Камень у Очага и Чаша Источника — мерцали ровным, спокойным светом. Но третий, ещё не проявленный, пустой круг будто пульсировал в такт чему-то далёкому и ровному, как биение сердца в каменной груди.

— Это не Лес, — шёпотом сказал Дамирка. — И не Вода.

— Это Рубеж, — отозвался голос. — Граница, где миры встречаются.

Голос не прозвучал — проявился. Из воздуха, из земли, из самого безмолвия. Он был стар. Настолько стар, что время вокруг него текло иначе — не рекой, а ледником, едва шевелящимся, застывающим на глазах.

Дамирка обернулся.

На границе пригорка и лога, на стволе поваленной берёзы, сидел старик.

Обычный с виду: седой, длиннобородый, в серых портах и лаптях. Но когда Дамирка попытался разглядеть его лицо — черты плыли, менялись. То казалось, что перед ним усталый путник, то — купец с хитрым прищуром, то — воин, чьи глаза видели столько битв, что перестали различать добро и зло.

А на пальце старика тускло блестело кольцо. Простое, железное. Но книга под ладонью Дамирки дрогнула, едва он взглянул на него.

— Ты знаешь меня, — сказал старик. Это не было вопросом.

Дамирка молчал. Он смотрел на кольцо и вспоминал бабушкины сказки. Тот, у кого смерть на конце иглы, а игла в яйце, а яйцо… Но здесь не было ни иглы, ни яйца. Был только старик, который смотрел на мальчика с усталой, древней мудростью и чуть заметной усмешкой.

— Кощей, — выдохнул Дамирка. — Не Бессмертный. А…

— А Безначальный, — поправил старик, и в голосе его скользнуло что-то похожее на грусть. — Смерти нет лишь у того, кто никогда не рождался. Я не жил — я был всегда. И всегда буду. Но это не бессмертие, мальчик. Это застывшая вечность. Хочешь узнать, каково это — никогда не умереть? Спроси у камня под ногами. Он тебе ответит: «Скучно».

Дамирка сглотнул. В горле пересохло.

— Я… я не за смертью пришёл.

— Знаю. — Кощей склонил голову набок, как ворона, разглядывающая необычную находку. — Ты пришёл за выбором. Все приходят сюда за выбором. Лес проверил твои ноги — умеешь ли слушать землю. Вода проверила твоё сердце — умеешь ли слушать память. А я проверяю… — Он замолчал, и в этом молчании вдруг стало очень холодно. — …твою душу. Слышишь ли ты её?

И прежде чем Дамирка успел ответить, Кощей щёлкнул пальцами.

Мир вокруг схлопнулся.

Они стояли не в лесу.

Они стояли в пустоте. Но не в чёрной, страшной пустоте, а в мягкой, серой, как предрассветный туман. И в этой пустоте, прямо из ниоткуда, проявились три предмета.

***Первый* — меч.**

Не сказочный, не сверкающий. Обычный, крепкий, с потёртой рукоятью. Таким рубили дрова, чтобы согреться, таким защищали дом.

На лезвии — ни царапины.

Словно его только что выковали — но уже знали: этому мечу суждено пройти сотни битв.

Рядом с мечом воздух был горячим, пахло железом и озоном.

— Сила, — сказал Кощей. — Возьми — и никто не посмеет тронуть твой дом. Ты научишься владеть им за один миг. Книга покажет все удары, все стойки, все слабые места врага. Ты станешь непобедимым.

Пауза.

— Вопрос: зачем тебе победа, если некого будет обнимать?

***Второй* — свет.**

Он не был предметом. Он был зовом.

Маленький, манящий огонёк, похожий на светлячка, но ярче, теплее, роднее. Он плыл в серой мгле, и там, где он проплывал, на миг проступали картины: мама, улыбающаяся, молодая; отец, смеющийся, без морщин у глаз; дом, полный голосов, где все счастливы и никто не молчит.

— Забвение, — голос Кощея стал тихим, почти ласковым. — Не смерть. Просто… стирание. Ты не забудешь их лица. Но забудешь боль. Ты вернёшься домой, и тишина покажется тебе уютной. Ты перестанешь ждать. Перестанешь искать. Перестанешь надеяться. И от этого станет легко. Легко и пусто, как в хорошо прибранном доме, где давно никто не живёт.

Огонёк приблизился. Дамирка чувствовал его тепло на щеке. Искушение было таким сильным, что у него защипало в носу.

***Третий* — узелок.**

Обычный холщовый узелок, перевязанный суровой ниткой. Он лежал на сером полу, маленький, невзрачный, пыльный.

— Память, — без выражения сказал Кощей. — Не очищенная от боли. Не отфильтрованная. Вся. С прошлым, которое не исправить. С молчанием, которое не нарушить одним словом. С вопросами, на которые нет ответов. Этот узел ты не развяжешь силой. Только… временем. И терпением. И, может быть, любовью. А может быть, и не развяжешь вовсе.

Пауза стала длиннее.

— Выбирай.

Тишина стала абсолютной.

Дамирка смотрел на три дара.

Меч обещал безопасность. Свет обещал покой. А узел… узел не обещал ничего. Только правду. И то, что эту правду придётся нести самому. Долго. Может быть, всегда.

Он опустил взгляд на книгу.

Она лежала у него на ладони, открытая. На странице не было ни карт, ни водоворотов. Было только одно слово, выведенное дрожащим, неровным почерком — его собственным, хотя он никогда не писал в ней.

«Мама».

И ниже, уже почти стёртое:

«Папа».

Дамирка сжал губы.

Он посмотрел на меч. Потом на огонёк. Потом снова на узелок.

— Я… — начал он и запнулся.

Кощей молчал. Ждал.

— Если я возьму меч… — Дамирка говорил тихо, словно примерял слова на язык. — Я смогу защитить их. Но от чего? От той тишины, что в доме? Мечом тишину не разрубить. Я буду защищать пустоту. — Он помолчал. — Как ты, наверное, защищаешь свои сундуки. В них уже давно ничего нет, кроме золота, да?

Кощей не ответил. Но усмешка исчезла с его лица.

Дамирка перевёл взгляд на огонёк.

— А если я возьму свет… — Голос его дрогнул, но не сломался. — Я перестану ждать. Перестану надеяться. Я усну рядом с ними — и не проснусь, пока они не заговорят сами. А если они не заговорят никогда? Я так и буду спать? А они — молчать?

Он посмотрел прямо в тёплое, манящее сияние.

— Ты не зло, — сказал он тихо. — Ты просто… усталость. Ты хочешь, чтобы мне стало легче. Но если станет легко — я перестану быть сыном. Я стану просто идущим мимо прохожим.

Огонёк дрогнул. Потускнел. И медленно, неохотно, отплыл в сторону, растворившись в серой мгле.

Дамирка выдохнул. Руки его немного дрожали.

Он опустился на коленки и взял узелок.

Тот был тёплым. И тяжёлым — не весом, а смыслом. Внутри него перекатывались не монеты, а звуки, запахи, взгляды, несказанные слова. Дамирка чувствовал это ладонями. Узелок был плотным, увесистым — и в то же время будто сотканным из утреннего тумана. То ли явь, то ли сон, то ли память, которая вдруг стала осязаемой.

— Я не знаю, смогу ли развязать, — сказал он, поднимаясь. — Но это — моё. Не чужая боль, не чужая память. Моя. Наша. И если я откажусь от неё — я откажусь от них. Я откажусь от своей силы.

Кощей долго смотрел на него.

А потом сделал то, чего Дамирка никак не ожидал.

Он улыбнулся.

Не насмешливо, не криво. Тихо, устало, но… с облегчением.

— Знаешь, — сказал Кощей, — за тысячу лет через эту развилку прошли тысячи.

Воины брали меч — и погибали от меча, так и не узнав, кого защищали.

Мудрецы брали забвение — и забывали не только боль, но и радость.

Они становились пустыми сосудами, в которых нет тепла.

А те, кто брал узел…

Он помолчал.

— Их были единицы. И каждый из них, развязывая свой узел, становился сильнее. И делал мир чуть менее холодным и чуть более видимым.

Кощей поднялся с бревна. Он больше не казался старым — скорее вечным, как скала, как само время.

— Ты выбрал Память, — сказал он. — Но помни: память — это не ответ. Это только вопрос, который ты будешь задавать себе всю жизнь. И ответ на него придётся искать не в книге.

Он взглянул на потрёпанный том в руках Дамирки.

— Она даст тебе язык зверей, чтобы ты мог просить о помощи. Она даст тебе приёмы боя, чтобы ты мог защитить слабого. Она покажет тебе тысячи дорог. Но она никогда не скажет тебе, по какой идти. Потому что выбор — не единственное, что делает тебя живым. Но без него ты — вода, что течёт туда, куда толкает камень, но никогда не ищет своей глубины. Запомни это, мальчик. Выбор — это единственное, что принадлежит тебе по праву рождения. И только через него ты становишься не просто существующим, а живым.

Кощей поднял руку. Железное кольцо на его пальце тускло блеснуло — и погасло.

— Иди, Дарующий Мир. Твой узел ждёт.

Дамирка моргнул.

Он стоял на том же пригорке. Солнце стояло высоко. В лесу пели птицы, и ветер шевелил листву — живой, настоящий, а не каменный.

Книга в его руках была закрыта. Но когда Дамирка провёл пальцем по обложке, под его ладонью проявился третий символ.

Не узел. Не петля.

Тонкая, едва заметная нить, уходящая в раскрытую ладонь — и дальше, за горизонт страницы, в самую сердцевину мира. Нить, которую он выбрал сам. Нить избранного родства.

Книга под ладонью не потеплела и не остыла. Она просто… была. Ровно, надёжно, как сердце, которое не ускоряет бег, когда ты сделал шаг.

А в кармане его безрукавки, там, где лежала краюха хлеба, теперь покоилось нечто иное.

Он сунул руку — и вытащил узелок.

Тот самый. Холщовый, перевязанный суровой ниткой. Плотный, тёплый, чуть зыбкий на ощупь — словно держишь в горсти утренний туман, который не тает, а доверчиво льнёт к ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.